

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

воротами. К стеблям рисовой соломы прикрепляют клеточки по числу членов семьи. Считается хорошим предзнаменованием, если прилетают вороны, быстро склевывают их и тут же улетают.

Когда посадки в полях немного подрастут, на них нападают вредные насекомые. Чтобы отвести их, почти повсеместно проводится обряд «изгнания насекомых» (*муси окури*), но в районе Тоно этот обряд называется «праздник насекомых» (*муси мацури*¹). Сговорившись о дне, каждый крестьянский дом изготавливает по одной соломенной кукле. Высота куклы — около двух *сяку*. Лицо изготавливается из бумаги, раскрашивается и прикрепляется к кукле. В руку вкладывается небольшой деревянный меч. Держа кукол в руках, крестьяне собираются в центре деревни и оттуда под бой барабана отправляются на поле, обходят его по дороге вокруг поля и поют в такт бою барабана: «Кого славим? Насекомых этого урожая». Затем кричат хором, разгоняя насекомых, а потом каждый устанавливает куклу на меже своего надела. После этого возвращаются домой.

Если же в округе появляется вор, у соломенной куклы размером в два *сяку* связывают руки, в ноги вбивают гвозди и, укрепив куклу на шесте, устанавливают его на границе деревни. Полагают, что в результате этого магического действия можно будет непременно поймать вора, или он заболеет и не сможет ходить. Считается, видимо, что эта кукла является изображением вора.

Приведенные выше данные получены во время путешествия в Тоно от местного жителя по фамилии Ино².

Общие сведения о географическом положении, официальном статусе и языке Мияко³

Острова Мияко, или, в туземном произношении, *мя:ку*, входят в состав Рюкюского архипелага, составляющего японскую префектуру Окинава. Эти острова вместе с группой Яэяма (в туземном произношении *яима*) служат продолжением Рюкюского архипелага (на ю[го]-з[апад]), тянущимися вплоть до Формозы. Мияко, а за ними и Яэяма в 1390 г. впервые признали над собою власть рюкюского короля, а до этого времени управлялись совершенно самостоятельно.

Группа Мияко состоит из семи островов: Мия:ку (яп. *мияко*), Ирав (яп. *ирабу*) с прилегающими к нему незаселенными островами Сымудзы, Икима (яп. *Икэма*), Ффима (яп. *Курима*), Угам (яп. *О:ками*), Тарама и Минна.

¹ По-видимому, тоже может быть возведен к древнейшему китайскому «мушиному празднику» (*чжи*), включавшему разные апотропеические обряды против насекомых.

² Перевод А. Н. Мещерякова

³ Архив востоковедов ИВ РАН, ф. 69, оп. 2, ед. хр. 189, л. 1 — 5.

Сношение островов с собственно рюкюскими островами и далее с Японией поддерживается более или менее регулярными рейсами парохода «Яэяма-мару» (в бойкое летнее время наряду с ним иногда работает еще «Мияко-мару») компании «Осака сёсэн кабусики кайся», который из порта Нафа (на главном острове Окинава) идет мимо Мияко и Яэяма на Формозу. При благоприятных условиях можно почти каждые десять дней видеть вдали пароход, выгружающий партию пассажиров. Но регулярным рейсам часто препятствует бурное состояние моря, ибо весь район Мияко-Яэяма является местом зарождения большинства тайфунов, делающих набеги на всю Японию.

Сношение островов группы между собою и островами Яэяма поддерживается маленькими катерами с двигателями внутреннего сгорания. При незначительном изменении погоды эти катера уже, конечно, не выходят из бухты. В наиболее неблагоприятном положении находится о-в Тарама, находящийся как раз посередине между Яэяма и Мияко, куда иногда катер не заглядывает более месяца. На небольшие же острова Угам, Ффима и Минна не ходят даже и катера, и сношения их с ближайшим островом при необходимости совершаются на долбленых рыбацких каяках, *сабани*.

Судя по официальным рюкюским данным, в то время когда *мя:ку* (в Сюри — *на:ку*, в Нафа — *ма:ку*) впервые явились с данью (в конце XIV в.), их народ не понимал рюкюского языка, поэтому их вождем было оставлено на [о-ве] Окинава двадцать человек на предмет изучения государственного языка.

Я не думаю, чтобы язык мияко в то время был каким-нибудь особенным языком совершенно иной семьи; но изолированное положение группы и отсутствие регулярных сношений с посторонним миром замедлили прогресс языка, вернее, сделали этот процесс внутренним, как бы брожением смеси внутри закрытого со всех сторон сосуда.

Носителям перебродившего таким образом языка стал совершенно непонятен язык сородичей с Окинава и обратно. Но зачем идти на несколько столетий назад, когда я в Псара познакомился с одним чиновником из рюкюсцев, прожившим там около пятнадцати лет, который до сих пор не только не выучился говорить на местном языке, но даже и понимает-то, по его собственным словам, только с пятого на десятое.

Для японцев и рюкюсцев главным камнем преткновения при изучении языков Мияко и Яэяма является своеобразная фонетика, сильно отличающаяся от фонетики То:кё и Сюри. Японцы и рюкюсцы, проезжающие через Мияко, выносят впечатление, что язык этот близок к китайскому («китайская грамота») и поселяют в этом уверенность в самих жителях, которые сперва скептически относились к моим занятиям, стараясь меня уверить, что их язык ничего общего ни с японским [яматувцы], ни с рюкюским [уксына:вцы] не имеет.

Несмотря на все эти уверения, говоры *мя:ку* должно все-таки отнести к японо-рюкюской группе, и по своей морфологии они ближе

стоят к рюкюским говорам, чем к японским. Из рюкюских же говоров как по фонетике, так и по морфологии говоры Мияко наиболее близки к говорам Яэяма. При небольшой практике жители любого острова группы Мияко быстро осваиваются с тем или иным говором Яэяма (впрочем, ссылка на говоры яэяма голословна, так как мне приходилось делать наблюдения с говором главного острова Яэяма — Исигакидзима); рюкюский же язык (говор Сюри) для них представляет много затруднений. По уверениям некоторых молодых людей, им японский язык дается легче рюкюского.

Вековая изолированность островов сохранила от праязыка в говорах массу архаического как в фонетическом, так и в лексическом отношении. Например, почти все *p* праязыка, давшие *h* в японском, *h* или *φ* в говоре Сюри, здесь сохранились. Суффиксы прошедшего времени *-тари*, *-тару*, доживающие в японском последние дни в умирающем «письменном (литературном) стиле» (в разговорном они давно уже стали *-та*), в говорах Мияко до сих пор живут в виде *-таз* или *-тал*; наконец, в повседневной речи можно слышать слова вроде *угуна:з / угуна:l*, соответствующие древнему японскому *угонашару* «собираться», какое слово, насколько мне известно, встречается только в древних японских молитвословиях и «Нихонги», т. е. в литературе периода не позднее Нара.

Другим таким же пережитком является хотя бы слово *уби / уюби* «палец», соответствующее японскому *юби* (в старых текстах *уби*); параллель ему мы находим только в древнейшем поэтическом сборнике Маннёсю, зарегистрировавшем форму *оёби*; в родстве с этим словом находится, вероятно, современный глагол *оёбу* «достигать» (первоначально, может быть, «доставать, дотягиваться концами пальцев»). К пережиткам древности должно отнести также счет от одного до ста числительными японо-рюкюского происхождения без замены китайскими.

Из других лексических пережитков назову *мнагзы* «угорь» — яп. *унаги* (в словаре «Вамёсё» — *мунаги*, вероятно, «морская змея»), *фунагзы / фунадзы* «махать чем-н. сверху вниз», «совершать половой акт» = др.-яп. *кунагу*; *агу* «приятель», «мой милый», «товарищ» (по возрасту) = др.-яп. *а-го* (букв.: «мое дитя»), *гисса* (*гисаса*) «гнида» = др.-яп. *кисаса*, и мн. др.

Помимо таких пережитков разговорный язык зарегистрировал массу слов, сконструированных весьма примитивно, как, например, *юмнуффа* «стрела» (букв.: «дитя лука»), *наибанубуту* (С) «муж глиняной ступки» = «пест», *тимбав* «небесный змий» = «радуга» и пр.

В настоящее время благодаря понастроенным всюду японским школам японский койне начинает понемногу ассимилировать местные говоры, официальным языком является японский, и, кроме глубоких стариков и старух, почти все если не говорят, то по крайней мере понимают по-японски. О молодой публике и говорить нечего, она часто предпочитает даже говорить между собой на языке более культурном, чем свой родной.